

тояние городов, все еще процветавших, и естественные источники богатств, какие еще давала сама страна, все это обеспечивало за Римской империей первенствующее место среди остальных государств тогдашнего мира.

Если принять в соображение низкую ступень, на которой вообще в 1204 г., в отношении экономического развития, образованности и свободы, стояли государство, общество и церковь на Западе, едва ли представлялись основания приговаривать империю Комненов к гибели. Развращение правительства при Ангелах достигло, правда, таких пределов, что вдумчивые государственные люди в него изверились¹. Но та же империя неоднократно переходила через подобные же кризисы и тем не менее сумела и при Исаврийской, и при Македонской династиях, и при Комненах оправляться и возрождаться к новой жизни. Если бы даже роль Восточной империи сведена была к тому, чтобы служить Западу предохранительной стеной и оплотом от народных волн, набегавших из Сарматии, Турана и азиатских плоскогорий, то и в этом случае поддержание империи в неприкосновенности являлось для Европы прямым долгом. Если средняя полоса нашей части света не заселена скифами, или Италия не поглощена сарацинами, если германский император мог собирать сеймы в Франкфурте, Регенсбурге и Майнце, а папа — соборы в Латеране, — то всему этому они в значительной степени обязаны были существованию греческой империи. Несравненная жизненная энергия поддерживала этот государственный организм, составленный на манер мозаики, вопреки бесчисленным дворцовым революциям, сменам династий, отсутствию установленного по закону права престолонаследия, колебаниям между императорской тиранией и олигархией знати, захвату богатейших провинций арабами, турками и славянами и непрестанной борьбе с помощью оружия, денег и дипломатического искусства против многочисленных народов, жаждавших захватить

¹ Позднейшее обращение Никиты Акомината к империи, которая некогда блистала перед лицом всех народов чудным величием, а теперь взяла на себя обезображенную личину гетеры, продающейся любому тирану (*De Alixiō*, кн. II, гл. 5, стр. 661), напоминает знаменитый дифирамб Сорделло у Данте.